9/199

Кн-во „ПРОМЕТЕЙ“. С.П.Б., Поварской, 10.

В. Базаровъ.

На два фронта.

С. П. Б.
1910.

доксъ—встрѣчаются нѣкоторые уклоны въ сторону реализма, но всѣ эти ученики такъ упорно держатся за каждое слово учителя, что немногія, случайно оброненныя ими реалистическія формулировки отнюдь нельзя истолковывать, какъ сознательное отступленіе отъ іероглифической доктрины. Вотъ почему въ первой и второй статьяхъ настоящаго сборника, касающихся воззрѣній современныхъ русскихъ матерьялистовъ мнѣ пришлось ограничиться разсмотрѣніемъ метафизическаго матерьялизма въ его наиболѣе развитой, законченно-іероглифической формѣ.

Только за самое послѣднее время появилась у насъ книга, написанная матерьялистомъ, душа котораго, видимо, не лежитъ къ трансцендентному толкованію матеріи. Я имѣю въ виду работу В. Ильина „Матерьялизмъ и Эмпиріокритицизмъ" съ ехиднымъ подзаголовкомъ: „Критическія замѣчанія объ одной реакціонной философіи". (Изд. „Звено". Москва, 1909 г.). Къ сожалѣнію, авторъ, всецѣло поглощенный разносомъ зловредныхъ „эмпиріокритиковъ", „махистовъ" и прочихъ „скатывающихся къ идеализму" „путанниковъ", не счелъ нужнымъ ясно отграничить свой матерьялизмъ отъ іероглифическаго, полагая очевидно, что передъ лицомъ общихъ враговъ тактичнѣе выдвинуть впередъ то, что его соединяетъ, а не то, что его разъединяетъ съ Плехановымъ. Видимо, уроки по „тактикѣ и безтактности" не прошли совершенно безслѣдно. Но въ философіи, какъ и въ политикѣ, тактика, основанная на тактичности, никуда не годится, никуда не приводитъ кромѣ сидѣнія между двухъ стульевъ. „Критическія замѣтки объ одной реакціонной философіи" живой тому примѣръ. Если писанія нашихъ трансцендентныхъ матерьялистовъ далеко не блещутъ послѣдовательностью и выдержанностью мысли, то книга В. Ильина даже среди этой литературы представляетъ нѣчто совершенно исключительное по своей сумбурности; выдвигая противъ своихъ противниковъ — зачастую къ тому же воображаемыхъ—то трансцендентное, то реалистическое пониманіе матеріи, авторъ безпомощно блуждаетъ между этими двумя соснами на протяженіи 400 стр. своего непомѣрно разбухшаго памфлета. Трагикомизмъ его „позиціи" усугубляется еще неизмѣнно-побѣдоноснымъ видомъ и величаво-презрительными восклицаніями: „путаете!", „невѣжество не аргументъ!", „извольте имѣть дѣло съ Ворошиловымъ!" и т. п. — восклицаніями, срывающимися съ устъ нашего автора какъ разъ въ тѣ моменты, когда мысль его особенно безнадежно упирается въ тупикъ.

Тѣмъ не менѣе книга В. Ильина имѣетъ на мой взглядъ большой психологическій интересъ. Недоразумѣнія и противо-

рѣчія, жертвою которыхъ является авторъ, чрезвычайно типичны для человѣка, реалистическій „здравый смыслъ“ котораго не совсѣмъ еще заглушенъ, но лишь слегка сбитъ съ толку метафизиками той или иной школы. А вѣдь въ положеніи такого сбитаго съ толку реалиста находится въ настоящее время огромное большинство нашихъ „матерьялистически“ мыслящихъ интеллигентовъ.—Съ другой стороны разборъ нѣкоторыхъ философскихъ недоразумѣній В. Ильина дастъ мнѣ удобный поводъ выдвинуть какъ разъ тѣ пункты, на которые я хотѣлъ бы прежде всего обратить вниманіе читателей настоящаго сборника. Вотъ почему я въ этой вступительной статьѣ разсмотрю новую работу Ильина нѣсколько подробнѣе.

На стр. 107 своего „Мат. и Эмп.“ В. Ильинъ цитируетъ Энгельса:

«Если мы можемъ доказать правильность нашего пониманія даннаго явленія природы тѣмъ, что сами его производимъ, вызываемъ его изъ условій, заставляемъ его къ тому же служить нашимъ цѣлямъ, то кантовской неуловимой «вещи въ себѣ» приходитъ конецъ. Химическія вещества, производимыя въ тѣлахъ животныхъ и растеній, оставались такими «вещами въ себѣ», пока органическая химія не стала приготовлять ихъ одно за другимъ; тѣмъ самымъ «вещь въ себѣ» превращалась въ «вещь для насъ», какъ напр., ализаринъ, красящее вещество марены, которое мы получаемъ теперь не изъ корней марены, выращиваемой въ полѣ, а гораздо дешевле и проще изъ каменноугольнаго дегтя».

„Всякая таинственная, мудреная, хитроумная разница между явленіемъ и вещью въ себѣ есть сплошной философскій вздоръ“, читаемъ мы далѣе на стр. 130. „На дѣлѣ каждый человѣкъ милліоны разъ наблюдалъ простое и очевидное превращеніе „вещи въ себѣ“ въ явленіе, „вещь для насъ“. Это превращеніе и есть познаніе“. (Курсивъ мой В. Б.). И наконецъ нѣсколькими строками ниже таже мысль подкрѣпляется еще слѣдующей выдержкой изъ І. Дицгена:

«Міръ въ себѣ» и міръ, какъ онъ намъ является, явленія міра, отличаются одно отъ другого не болѣе, чѣмъ цѣлое отъ части. Явленіе отличается отъ того, что является, не больше и не меньше, чѣмъ десять миль пути отъ всего пути».

Это чисто реалистическая точка зрѣнія и притомъ формулированная въ выраженіяхъ, не оставляющихъ желать ничего большого въ смыслѣ ясности.

Въ нашемъ познаніи вещи даны совершенно такъ же, какъ онѣ существуютъ въ дѣйствительности. Правда, никакое познаніе не можетъ до конца исчерпать весь матерьялъ, объективно существующій въ данной вещи—„вещь для насъ“ представляетъ всегда лишь часть „вещи въ себѣ“,—но въ этой части, въ какой работа познанія уже закончена, познанная нами вещь ничѣмъ не отличается отъ вещи въ себѣ,—въ этихъ предѣлахъ „вещь для

насъ", т. е. вещь данная въ нашемъ воспріятіи, и есть вещь въ себѣ. Казалось бы, это ясно! Казалось бы для всякаго, даже, для человѣка, не слишкомъ искушеннаго въ логикѣ, очевидно, что сказать: „путемъ познанія вещь въ себѣ превращается въ вещь для насъ" и сказать: „познанная нами вещь и есть вещь въ себѣ" значитъ сказать совершенно одно и то же. Но вотъ подите же! Именно за эту перифразу мысли Энгельса Ильинъ не устаетъ разносить меня въ своихъ „критическихъ замѣткахъ". „Чувственное представленіе и есть внѣ насъ существующая дѣйствительность", цитируетъ онъ изъ первой статьи настоящаго сборника, сопровождая сію цитату четырьмя негодующими знаками („!!!!").

„Это какъ разъ и есть та основная нелѣпость, основная путанница и фальшь махизма, изъ которой вылѣзла вся остальная галиматья этой философіи и за которую лобзаютъ Маха съ Авенаріусомъ отъявленные реакціонеры и проповѣдники поповщины... Это—идеалистическая ложь или увертка, тов. Базаровъ, ибо чувственное представленіе не есть существующая внѣ насъ дѣйствительность, а только образъ этой дѣйствительности" [1]).

Итакъ, для того чтобы избѣжать „нелѣпости, путаницы и фальши" махизма, чтобы не оказаться въ компаніи „отъявленыхъ реакціонеровъ и проповѣдниковъ поповщины", необходимо признать, что вещь въ себѣ, превращаясь посредствомъ познанія въ вещь для насъ, тѣмъ самымъ становится „образомъ" или „копіей" самой себя! Или, еще лучше: что часть есть образъ цѣлаго, десять миль—копія тысячи миль!

И это не случайная обмолвка. На стр. 142 „Матерьялизма и Эмпиріокритицизма" мы читаемъ:

Махъ «открылъ элементы міра»: красное, зеленое, твердое, мягкое, громкое, длинное и т. п., говорятъ намъ. Мы спрашиваемъ: дана ли человѣку, когда онъ видитъ красное, ощущаетъ твердое и т. п., объективная реальность или нѣтъ? Этотъ старый престарый философскій вопросъ запутанъ Махомъ... Если дана, то нужно философское понятіе для этой объективной реальности, и это понятіе давно, очень давно выработано, это понятіе и есть матерія».

Махъ не только не запутываетъ поставленнаго авторомъ вопроса, но совершено опредѣленно разрѣшаетъ его въ утвердительномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что означаетъ формула Маха, что „красное", „твердое" и т. п. суть „элемента міра"? Только то, что человѣку въ ощущеніяхъ краснаго, твердаго и т. д. да-

[1]) «Матерьялизмъ и эмпиріокритицизмъ», стр. 122. Фраза моя, дѣйствительно, не совсѣмъ точна: внѣ насъ существующая дѣйствительность совпадаетъ не съ «представленіями», т. е. воспоминаніями о вещахъ, нѣкогда воспринятыхъ нами, а съ содержаніемъ самого непосредственнаго воспріятія. Я вынужденъ былъ употребить неточное выраженіе, такъ какъ былъ связанъ цитатой изъ Энгельса,—впрочемъ, изъ контекста статьи совершенно ясно, о чемъ идетъ рѣчь.

на сама „объективная реальность“, что не только въ нашемъ воспріятіи, но и „an sich“ кумачъ красенъ, трава зелена, снѣгъ мягокъ и т. д., что всѣ эти качества являются не только качествами нашихъ ощущеній, но въ то же время качествами или элементами самого внѣшняго міра. Само собою разумѣется, вовсе не Махъ открылъ элементы міра: это „старая престарая“ точка зрѣнія, точка зрѣнія, такъ называемаго „наивнаго“ реализма Махъ, Авенаріусъ и др. современные эмпирики пытались только систематически защитить ее противъ той мнимо—разрушительной критики идеалистовъ, которая якобы доказала ея несостоятельность. Если тов. Ильину угодно называть матеріей ту объективную реальность, или—что то же—тѣ „элементы“ объективнаго міра, которые даны намъ въ ощущеніяхъ, то противъ такого матерьялизма, какъ исходной точки, не станетъ возражать ни одинъ махистъ, ибо это простой пересказъ мысли Маха другими словами. Но В. Ильинъ, спохватившись во время, что онъ чуть-чуть было не „скатился“ вмѣстѣ съ Махомъ въ поповщину, спѣшитъ исправить махитскую путаницу: „Матерія“, поучаетъ онъ, „есть философская категорія для обозначенія объективной реальности, которая дана человѣку въ ощущеніяхъ его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущеніями, существуя независимо отъ нихъ“ (курсивъ мой. В. Б.). Читатель видитъ, что говоря о вещахъ „самокопіяхъ“, какъ основномъ положеніи философіи Ильина, я вовсе не ловилъ автора на словѣ: это его собственная формула, сознательно обдуманно противопоставленная имъ всякой иной, какъ единственно послѣдовательная и матерьялистическая. На задней стѣнкѣ фотографическаго аппарата „дана“ та самая объективная реальность, которая „копируется“, „фотографируется“, „отображается“ этимъ аппаратомъ. Кто не согласенъ подписаться подъ этой галиматьей, тотъ скрытый агностихъ, субъективистъ и реакціонеръ.

В. Ильину, какъ и многимъ другимъ родственнымъ ему душамъ, кажется, что теорія „копій“ необходима для того, чтобы отстоять независимое отъ насъ существованіе внѣшняго міра. Въ дѣйствительности, объективный міръ въ этой теоріи совершенно не нуждается. Нѣтъ рѣшительно никакого противорѣчія въ убѣжденіи „наивнаго“ реалиста, что міръ существуетъ именно такъ, какъ его воспринимаютъ люди. Идеалистическое грѣхопаденіе начинается какъ разъ съ того момента, когда человѣкъ начинаетъ утверждать, что качества, свойства или элементы вещей, данныя намъ въ ощущеніе, принадлежатъ намъ и только намъ, представляютъ „плодъ творчества субъекта“ (выраженіе Ортодоксъ) и т. п. Эта „принадлежность мнѣ“ не дана ни въ

какомъ опытѣ,—это—идеалистическая выдумка, очень полезная для человѣка, стремящагося отъ міра умозаключить къ міродержцу, но, казалось бы, совершенно непріемлемая для матерьялиста.

Теорія „копій“ не только излишня, но и насквозь противорѣчива, ибо совершенно не можетъ отвѣтить на вопросъ: гдѣ же именно находятся тѣ оригиналы, копіями которыхъ въ „нашемъ“ пространствѣ и времени являются чувственно воспринимаемыя вещи. Матерьялисты трансцендентнаго толка устраняютъ этотъ вопросъ ссылкой на то, что въ мірѣ „вещей въ себѣ“ должно быть нѣчто „соотвѣтствующее“ пространству и времени. При этомъ причинная связь между матеріей и ея явленіями становится немыслимой, а вмѣстѣ съ тѣмъ улетучивается и основная предпосылка трансцендентнаго матерьялизма [1]). Матерьялисту посюстороннему такая іероглифическая увертка, конечно, совершенно не приличествуетъ. В. Ильинъ пытается по своему обыкновенію и въ этомъ вопросѣ усѣсться между двумя стульями. Сначала онъ торжественно заявляетъ, что „матерьялизмъ неизбѣжно долженъ признавать объективную реальность пространства и времени“ (стр. 200), а затѣмъ толкуетъ объ „отраженіи“ реальнаго пространства и реальнаго времени въ нашихъ ощущеніяхъ пространства и времени. Но если существуетъ не одно только пространство, одновременное и объективное, и субъективно нами воспринимаемое, если наше пространство есть только отраженіе или копія внѣ его находящагося реальнаго пространства, то спрашивается: гдѣ же обрѣтается это „внѣ“? гдѣ мѣсто нахожденія объективнаго пространства? Вѣдь „наше“ пространство и „наше“ время безконечны, они охватываютъ собою всю вселенную и слѣдовательно не оставляютъ „внѣ себя“ никакого уголка, въ которомъ могли бы помѣститься ихъ объективные прототипы. Такимъ образомъ теорія копій въ примѣненіи къ пространству и времени явно безсмысленна. Если пространство и время признаются объективно реальными, то это можетъ значить только одно: вещи существуютъ въ томъ самомъ пространствѣ и въ томъ самомъ времени, въ какомъ мы воспринимаемъ ихъ чувственныя копіи [2]).

---

[1]) См. объ этомъ статью «Мистицизмъ и реализмъ нашего времени».

[2]) В. Ильинъ на стр. 213 своей книги цитируетъ мою фразу: «Многіе отдѣльные взгляды Энгельса, напр., его представленіе о «чистомъ» пространствѣ и времени, теперь уже устарѣли». Полагая, что я считаю устарѣлымъ взглядъ на пространство и время, какъ объективную реальность, онъ затѣмъ читаетъ мнѣ свирѣпую нотацію на 2 страницахъ. Но къ сожалѣнію вопросъ о «чистомъ» пространствѣ и времени не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ объ ихъ реальности или идеальности, и заключается онъ въ слѣдующемъ: возможно ли представить себѣ «чистое», т. е. ничѣмъ не заполненное пространство и время? Большинство современныхъ ученыхъ приходятъ къ убѣжденію, что это не возможно,—нѣкоторыя фразы Энгельса даютъ поводъ думать, что

А разъ это такъ, возникаетъ новый вопросъ, имѣющій, какъ мы сейчасъ увидимъ, роковое значеніе для всей теоріи копій: занимаютъ ли чувственныя копіи тѣ же самые пункты въ „нашемъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ „объективномъ“ пространствѣ, которые принадлежатъ вещамъ въ себѣ, или нѣтъ? Было время, когда многіе матерьялисты рѣшали этотъ вопросъ отрицательно, помѣщая человѣческія копіи вещей внутри человѣка, въ опредѣленныхъ участкахъ мозга. Отсюда возникли пресловутыя проблемы, такъ называемаго, „проецированія“. Спрашивали: „какимъ образомъ мы видимъ окружающіе предметы внѣ себя, несмотря на то, что получаемыя отъ нихъ зрительныя ощущенія образуются въ нашемъ мозгу?“ „почему мы видимъ предметы прямо, несмотря на то, что они передаются въ мозгъ при посредствѣ обратнаго изображенія на ретинѣ“? и т. д. и т. п. Въ настоящее время едва ли найдется хоть одинъ толковый психологъ, который не понималъ бы, что вопросы эти по самой постановкѣ своей совершенно нелѣпы. Самая предпосылка, на которой они покоятся, явно противорѣчитъ несомнѣннымъ фактамъ какъ объективно-физіологическаго, такъ и субъективно-психологическаго наблюденія.

Возьмемъ для иллюстраціи зрительныя ощущенія, которыя какъ разъ подали поводъ къ созданію теоріи ощущеній — копій. Здѣсь „внутри“ человѣка дѣйствительно имѣется нѣчто въ родѣ копіи внѣшняго міра, а именно обратное изображеніе на ретинѣ предметовъ, находящихся въ полѣ зрѣнія. Но никто, конечно, не станетъ утверждать, что эта рисующаяся въ нашемъ глазу картинка есть наше зрительное воспріятіе внѣшняго міра или, хотя бы, непосредственно связана съ послѣднимъ. Утверждать это невозможно уже по одному тому, что разрушая зрительный нервный центръ, мы уничтожаемъ ощущенія, хотя бы оптическій аппаратъ глаза съ его способностью давать изображеніе на сѣтчаткѣ сохранился въ полной неприкосновенности. Зрительныя ощущеній непосредственно связаны не съ картинками на ретинѣ, а съ процессами въ корѣ головного мозга, куда зрительный нервъ передаетъ свѣтовыя раздраженія своихъ окончаній.

„Передача“ эта отнюдь не является простымъ перемѣщеніемъ картинки-копіи изъ глаза въ мозгъ. Хотя сущность нервныхъ процессовъ далеко еще не выяснена, но все заставляетъ предполагать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіями, близкими къ электрическимъ разрядамъ или токамъ, т. е. съ явленіями, ничуть не похожими по своему характеру на тѣ „ощущенія“, которыя ими „вызываются“.

онъ считалъ это возможнымъ. Кто бы ни оказался правъ, ясно, во всякомъ случаѣ, что это дѣйствительно «отдѣльный» и притомъ «побочный» вопросъ, не связанный непосредственно съ самыми основами матерьялистическаго міросозерцанія.

Итакъ, объективное изслѣдованіе показываетъ, что въ мозгу человѣка нѣтъ рѣшительно ничего похожаго на какія бы то ни было копіи или изображенія внѣшняго міра. Въ томъ же самомъ убѣждаетъ насъ и самонаблюденіе. Оно свидѣтельствуетъ, что всѣ разговоры о проецированіи „вовнѣ" „нашихъ" зрительныхъ ощущеній, о перевертываніи предметовъ, воспринятыхъ „вверхъ ногами" и т. п., представляютъ сплошное миѳотворчество. Въ дѣйствительности мы созерцаемъ предметы внѣшняго міра не внутри себя, не въ „головѣ", а сразу и непосредственно видимъ ихъ внѣ насъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они находятся на самомъ дѣлѣ.

А разъ это такъ, разъ наше зрительное воспріятіе находится тамъ же, гдѣ и самъ воспринимаемый предметъ, оно, очевидно, не можетъ быть „копіей" послѣдняго. Для того чтобы дать копію чего-либо, напримѣръ, нарисованнаго на бумагѣ чертежа, я долженъ точно воспроизвести оригиналъ въ какомъ-либо иномъ пунктѣ пространства, напр., на другомъ листѣ бумаги. Если же я буду воспроизводить оригиналъ на немъ самомъ, напр., буду на той же бумагѣ второй разъ обводить контуры уже нарисованнаго тамъ чертежа, то никакой копіи, т. е., новаго предмета, похожаго на оригиналъ, не получится: по прежнему остается только одинъ предметъ, только первоначально данный оригиналъ, всѣ или нѣкоторые контуры котораго обведены два раза.

Подобный же случай представляетъ и наше воспріятіе внѣшняго міра. Разъ мы признали, что пространство нашего воспріятія есть вмѣстѣ съ тѣмъ объективная реальность, т. е. то самое пространство, въ которомъ существуютъ вещи въ себѣ, мы вынуждены признать, что наши воспріятія находятся или, какъ говорятъ психологи, наши ощущенія локализируются, именно тамъ, гдѣ обрѣтаются и сами воспринимаемыя вещи. Другими словами, мы воспринимаемъ не „копіи" вещей, не образы, похожіе на реальныя вещи, но существующія отдѣльно отъ нихъ, а самыя вещи,—хотя, разумѣется не во всей ихъ полнотѣ: элементы нашихъ воспріятій суть въ то же время элементы внѣ насъ существующаго міра.

То обстоятельство, что наши чувства даютъ намъ всегда лишь ничтожную частичку объективнаго міра, ничуть не спасаетъ теоріи копій. Содержанія міра, которыхъ мы еще не восприняли, для насъ не существуютъ вовсе. Вопросъ заключается именно въ томъ, какъ относятся уже воспринятыя нами содержанія міра къ самому этому міру? Представляютъ ли они часть самого реальнаго міра или только неизвѣстно гдѣ находящуюся копію этой части? Если справедливо первое, то правъ

Энгельсъ, когда онъ говоритъ, что познаніе „превращаетъ“ вещи въ себѣ въ „вещь для насъ“, правъ І. Дицгенъ, утверждающій, что „явленіе отличается отъ того, что является, не больше, чѣмъ десять миль пути отъ всего пути“; но тогда правъ и Махъ со своимъ ученіемъ объ элементахъ-ощущеніяхъ. Если справедливо второе, то реальность пространства и времени можно спасти только при помощи трусливыхъ увертокъ мысли, или, употребляя выраженіе самого тов. Ильина, только при помощи „языкоблудія“. Тогда логически необходимо признать, что вещи въ себѣ находятся внѣ нашего пространства и времени, что наши ощущенія не копіи, а только символы, іероглифы, ничуть не похожія на дѣйствительныя вещи и въ тоже время связанныя съ послѣдними непостижимой для нашего ума, „таинственной, мудреной, хитроумной“ зависимостью. Или послѣдовательный реализмъ, или послѣдовательный іероглифизмъ т. е. идеализмъ! Теорія копій есть лишь жалкій компромиссъ, несостоятельность котораго не затушуешь никакимъ „языкоблудіемъ“.

Но если ощущенія даютъ намъ не копіи или символы вещей, а самыя эти вещи, то можно ли утверждать, что „матерія есть первичное, а духъ вторичное“? Вѣдь повидимому получается порочный кругъ: выходитъ, что вещь въ себѣ, дѣйствуя на наши органы чувствъ, порождаетъ ощущеніе, которое съ своей стороны совпадаетъ,—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ составныхъ частяхъ или элементахъ—съ породившею его вещью, т. е. вещь въ себѣ черезъ посредство нашихъ органовъ чувствъ „порождаетъ“ часть себя самой.

Кажущійся порочный кругъ возникаетъ здѣсь потому, что вслѣдствіе крайне неряшливаго, некритическаго употребленія такихъ образныхъ терминовъ, какъ „порождаетъ“, „производитъ“, „создаетъ“ и т. п., спутываются въ одинъ общій клубокъ два типа зависимостей, наблюдаемыхъ въ процессѣ воздѣйствія вещи на насъ. Данная вещь, воздѣйствуя на органы чувствъ человѣка, возбуждаетъ центростремительный нервный токъ, передающій раздраженіе въ головной мозгъ, откуда при извѣстныхъ условіяхъ направляется къ периферіи тѣла новый, центробѣжный токъ, обусловливающій реакцію человѣческаго организма на раздражающее его извнѣ тѣло. Передъ нами объективный, „физическій“ процессъ, каждая послѣдующая стадія котораго причинно связана съ предыдущей. Съ точки зрѣнія современной энергетической физики это значитъ, что всѣ качественно различные стадіи процесса измѣримы, находятся между собой въ постоянныхъ количественныхъ соотношеніяхъ и въ этомъ смыслѣ „эквивалентны“, или, какъ говорятъ обыкновенно, представляютъ послѣдовательныя превращенія опредѣленнаго запаса энергіи. Включить

въ эту цѣпь энергитическихъ причинъ и слѣдствій ощущенія вещи, связанное съ процессомъ въ мозгу, очевидно не возможно, ибо никакихъ ощущеній посторонній наблюдатель, изучающій мозговые процессы со стороны, констатировать не въ состояніи. Если бы энергія мозгового процесса „превращалась" въ энергію ощущенія, то для объективнаго изслѣдованія это было бы равносильно перерыву энергическаго процесса, т. е. безпричинному уничтоженію энергіи въ одномъ пунктѣ—тамъ, гдѣ мозговой процессъ „порождаетъ" ощущеніе—и столь же безпричинному возникновенію ея въ другомъ пунктѣ—тамъ, гдѣ ощущеніе въ свою очередь „порождаетъ" центробѣжный нервный токъ.

Вотъ почему естествоиспытатели—и притомъ какъ разъ склонные къ матерьялизму—считаютъ сознаніе „эпифеноменомъ",—другими словами, разсматриваютъ его не какъ звено въ процессѣ превращенія энергіи, а какъ нѣчто, сопровождающее этотъ процессъ, но для объективнаго, физическаго изслѣдованія не существующее вовсе. Ощущеніе не есть „слѣдствіе" того или другого матерьяльнаго процесса въ мозгу человѣка, ибо оно не слѣдуетъ за обусловливающимъ его процессомъ, а протекаетъ одновременно съ нимъ. Передъ нами не причинная зависимость, а связь сосуществованія, содержаніе которой исчерпывается математическимъ понятіемъ „функціи". Если треугольникъ измѣняется такъ, что площадь его все время остается постоянной, то измѣненія высоты всецѣло опредѣляются измѣненіями основанія (высота h—въ каждый данный моментъ равна $\frac{2P}{a}$, гдѣ P—площадь, a—основаніе треугольника). Но такъ какъ измѣненія высоты и основанія протекаютъ одновременно, то было бы нелѣпо сказать, что измѣненія высоты—„причина", измѣненіе основанія—„слѣдствіе" или что измѣненія высоты „первичны", измѣненія основанія „вторичны". Каждому данному основанію соотвѣтствуетъ одна только вполнѣ опредѣленная высота,—вотъ все содержаніе наблюдаемой въ данномъ случаѣ зависимости. Зависимость эту выражаютъ математическимъ символомъ: $h = f(a)$, т. е. высота есть функція основанія; но съ такимъ же правомъ мы можемъ написать и обратно: $a = f^1(h)$, т. е. основаніе есть функція высоты.

Совершенно то же имѣетъ мѣсто въ области ощущеній. Ощущеніе функціонально связано съ процессомъ въ корѣ головного мозга; разъ данъ мозговой процессъ, то тѣмъ самымъ дано и соотвѣтствующее ему ощущеніе; и обратно, разъ дано ощущеніе, то имѣется въ наличности и тотъ мозговой процессъ, которому оно „соотвѣтствуетъ". Именно этотъ математически-

функціональный характеръ связи между ощущеніемъ и мозговымъ процессомъ и хотятъ выразить, когда говорятъ, что „психическія и физіологическія явленія суть двѣ стороны одного и того же процесса“ (обычная формулировка „психо-физическаго параллелизма“), что „ощущеніе есть внутреннее состояніе движущейся матеріи“ (формула, излюбленная Плехановымъ) и т. п. Но эти образныя, крайне неточныя выраженія способны породить цѣлый рядъ недоразумѣній, совершенно не возможныхъ при употребленіи строго установленнаго математическаго термина „функція“. Въ самомъ дѣлѣ, первая формула даетъ поводъ думать, что психика и физика представляютъ лишь проявленіе или обнаруженіе чего-то третьяго, какой-то скрытый за ними и недоступной до нашего изслѣдованія „сущности“, вторая формула наводитъ на мысль, что ощущенія помѣщаются внутри мозгового процесса, и т. п. Но во всякомъ случаѣ ясно, что при всѣхъ подобнаго рода формулировкахъ вопросъ о „первенствѣ“ ощущенія надъ процессомъ въ мозгу, или процесса въ мозгу надъ ощущеніемъ исключается, какъ совершенно нелѣпый и неправильно поставленный.

Итакъ, ощущеніе не причинно, а только функціонально [1]) связано съ процессомъ въ мозгу, но этотъ послѣдній, какъ и всѣ физическія явленія, причинно обусловленъ нѣкоторыми предшествующими процессами физическаго міра, входитъ въ цѣпь превращеній міровой энергіи.

---

[1]) Причинную зависимость можно формально подвести подъ понятіе математической функціи. Но необратимость временного каузальнаго ряда представляетъ настолько характерное и практически важное различіе причинности отъ всѣхъ другихъ видовъ функціональной зависимости, что попытки нѣкоторыхъ эмпиріокритиковъ совершенно потопить причинность въ универсальной категоріи «функція» представляются мнѣ въ высшей степени нецѣлесообразными.

Само собою разумѣется, «функція» въ математическомъ смыслѣ слова не имѣетъ ничего общаго съ «функціей» въ біологическомъ смыслѣ слова, т. е. съ «отправленіемъ» того или другого органа. В. Ильинъ ухитрился даже и это спутать. На стр. 89 «Мат. и Эмп.» мы читаемъ: «Авенаріусъ «не станетъ спорить» противъ того, что мысль есть функція мозга. Эти слова Базарова заключаютъ въ себѣ прямую неправду. Авенаріусъ не только споритъ противъ матеріалистическаго тезиса, но создаетъ цѣлую «теорію» опроверженія именно этого тезиса». И далѣе цитируется Авенаріусъ: «Нашъ мозгъ не есть обиталище, сѣдалище, созидатель, не есть инструментъ или органъ, носитель или субстратъ и т. д. мышленія»... «представленія не суть функціи (физіологическія, психическія, психофизическія) мозга». Само собою понятно, что представленія не суть физіологическія (или психическія) функціи мозга; этой нелѣпости я никогда и не приписывалъ Авенаріусу. Въ біологическомъ смыслѣ «функціей» мозга, или его «отправленіемъ», является не мысль, а матеріальный нервный процессъ, подобно тому какъ функціей конечностей является работа мускуловъ, функціей кишекъ перевариваніе пищи и т. п. Мысль функціонально (въ математическомъ смыслѣ слова) связана именно съ этимъ нервнымъ процессомъ, т. е. съ физіологической функціей или физіологическимъ отправленіемъ мозга. И противъ такой зависимости (въ моей статьѣ, на которую ссылается В. Ильинъ, опредѣленно и притомъ неоднократно указывается, что терминъ «функція» я употребляю въ математическомъ смыслѣ) Авенаріусъ не только не «спорилъ», но положилъ ее въ основу своей системы «чистаго опыта», гдѣ вся психика разсматривается какъ рядъ, зависимый отъ колебаній центральной нервной системы.

Ощущеніе не копія дѣйствительнаго предмета, не новая вещь, созидающаяся гдѣ то „въ насъ“ по образцу вещи существующей внѣ насъ,—ощущеніе находится тамъ же, гдѣ и ощущаемая вещь и по содержанію своему совпадаетъ съ этой послѣдней въ извѣстной ея части. Но ощущеніе имѣетъ мѣсто, „вещь въ себѣ становится вещью для насъ“ лишь тогда и лишь постольку, когда и поскольку эта вещь подѣйствовала на наши органы чувствъ и черезъ ихъ посредство на нашъ мозгъ. Слѣдовательно, „первенство“ матеріи надъ духомъ ничуть не колеблется отъ того, что элементы матерьяльнаго міра оказываются въ то же время элементами ощущеній.

Но вопросъ о первенствѣ матеріи надъ духомъ имѣетъ и другой, притомъ гораздо болѣе важный смыслъ, чѣмъ пресловутая проблема о реальности или нереальности міра, даннаго намъ въ ощущеніяхъ. Когда духъ противополагается матеріи, какъ „психическое“ „физическому“, то подъ категорію духа подводятся явленія, чрезвычайно различныя по своему характеру и по своему познавательному значенію: и непосредственно воспринимаемыя ощущенія, и ихъ воспоминанія или „представленія“, и, наконецъ, отвлеченныя понятія,—все это духовные феномены. Считаемъ ли мы ощущенія совпадающими съ внѣшней реальностью, или копіями внѣшней реальности, или же только іероглифами ея, этимъ очевидно ничуть не затрагивается вопросъ о томъ, какъ относятся наши абстрактныя понятія, наши теоретическіе принципы и категоріи къ тому данному въ ощущеніяхъ матерьялу, надъ которымъ они оперируютъ. Между тѣмъ этотъ вопросъ игралъ рѣшающую роль въ исторіи философіи; именно онъ раскалывалъ философовъ на непримиримыя партіи; именно онъ заставилъ Сократа и его продолжателя Платона воевать съ софистами, средневѣковыхъ „реалистовъ“ съ „номиналистами“, современныхъ идеалистовъ съ позитивистами. Когда Энгельсъ говоритъ о двухъ основныхъ направленіяхъ философіи, одно изъ которыхъ принимаетъ за первичное духъ, а другое природу, когда онъ, становясь на сторону второго изъ этихъ направленій, утверждаетъ, что наши мысли являются „отображеніемъ“ вещей, то онъ опять таки имѣетъ въ виду именно этотъ вопросъ объ отношеніи общихъ понятій къ конкретному матерьялу, доставляемому чувствами.

Наши „матерьялисты“, стараясь навязать Энгельсу свою собственную путаницу, увѣряютъ, что подъ „мысленными отображеніями вещей“ онъ разумѣлъ не только общія теоретическія понятія, но и самыя единичныя ощущенія. Къ несчастію, ухищренія этихъ учениковъ Энгельса, блистающихъ добродѣтельной преданностью своему учителю въ гораздо большей степени, чѣмъ

умѣніемъ разбираться въ его мысляхъ, уничтожаются безъ остатка тѣми цитатами, которыя сами же они приводятъ для подкрѣпленія своей интерпретаціи. Какъ мы уже видѣли изъ цитаты, приведенной В. Ильинымъ, отношеніе нашихъ ощущеній къ внѣшнему міру рисуется Энгельсомъ не какъ отраженіе, а какъ отожествленіе въ процессѣ воспріятія: „вещь въ себѣ превращается въ вещь для насъ". А вотъ другая цитата, которой тотъ же В. Ильинъ иллюстрируетъ формулу „вещи и ихъ мысленныя отраженія".

«Принципы—не исходный пунктъ изслѣдованія, а его заключительный результатъ; эти принципы не примѣняются къ человѣческой природѣ и исторіи, а абстрагируются изъ нихъ; не природа, не человѣчество сообразуются съ принципами, а наоборотъ, принципы вѣрны лишь постольку, поскольку они соотвѣтствуютъ природѣ и исторіи. Таково единственно матерьялистическое воззрѣніе на предметъ, а противоположный взглядъ Дюринга есть идеалистическій взглядъ, переворачивающій вверхъ ногами дѣйствительное соотношеніе, конструирующій дѣйствительный міръ изъ мыслей». [1])

Не объ ощущеніяхъ, а о „принципахъ", т. е. объ отвлеченныхъ понятіяхъ въ ихъ отношеніи къ конкретнымъ фактамъ природы и исторіи говоритъ Энгельсъ; здѣсь усматриваетъ онъ основную линію, отдѣляющую идеализмъ отъ матерьялизма.

Въ то время, какъ для идеалиста понятія суть предвѣчно установленные типы бытія или апріорныя формы нашей мысли, къ которымъ долженъ приспособляться міръ „явленій", для матерьялиста (въ энгельсовскомъ смыслѣ слова) міръ, данный нашими чувствами, есть не только „явленіе" для насъ, но и реальность an sich, и къ этой то реальности должны быть приспособлены изобрѣтаемыя нами понятія.

Въ какомъ же смыслѣ понятія „приспособляются" къ дѣйствительности? Представляютъ ли они „отпечатки" дѣйствительности или только „символы" ея? и каково познавательное назначеніе этихъ „отпечатковъ" или „символовъ"?

Процессъ образованія понятій или процессъ „абстрагированія" описывается иногда, какъ совершенно пассивное отложеніе въ нашей памяти признаковъ, общихъ данной группѣ предметовъ: „накладываясь" одно на другое, чувственныя представленія запечатлѣваютъ въ насъ тѣ свои черты, которыя при такомъ накладываніи совпадаютъ и сглаживаютъ тѣ черты, въ которыхъ они расходятся между собой. Съ этой точки зрѣнія, „понятіе" напоминаетъ собою тотъ средній образъ, который получается при послѣдовательномъ фотографированіи на одной и той же пластинкѣ сходныхъ предметовъ (напр., различныхъ людей).

---

[1]) «Матерьялизмъ и эмпиріокритицизмъ», стр. 31.

Не трудно однако убѣдиться, что понятія, даже чисто „описательныя“, даже наименѣе выработанныя, существенно отличаются отъ такихъ „среднихъ образовъ“. Если въ содержаніе понятія о какомъ-либо классѣ предметовъ входятъ ихъ размѣры, то въ понятіи фиксируется не средняя арифметическая изъ размѣровъ всѣхъ экземпляровъ даннаго рода, а тотъ высшій и тотъ низшій предѣлъ, между которыми они могутъ колебаться, и внѣ которыхъ мы уже не относимъ предметы къ данному классу. То же самое относится къ окраскѣ предметовъ, классифицируемыхъ въ описательныхъ понятіяхъ, и ко всѣмъ ихъ прочимъ „признакамъ“ [1]). И эти „предѣлы“, эти „границы“ между вещами внѣшняго міра, которыя мы проводимъ и фиксируемъ при помощи понятій, всегда являются въ значительной мѣрѣ произвольными. Правда, они не „полагаются“, не „творятся“ нами, а отыскиваются въ самой природѣ; но изъ безчисленнаго множества разграниченій, реально существующихъ въ природѣ, мы кристаллизуемъ въ понятіи только нѣкоторыя, какъ единственно „важныя“, „существенныя“, „пригодныя“ для нашей классификаціи. Очевидно, что „существенность“, „важность“ тѣхъ или другихъ содержаній природы всецѣло опредѣляется тѣми практическими задачами, которыя мы преслѣдуемъ, создавая наши понятія. То, что существенно съ одной точки зрѣнія, можетъ быть совершенно не существенно съ другой; въ самой природѣ—въ природѣ, какъ она существуетъ независимо отъ нашихъ цѣлей и задачъ—нѣтъ раздѣленія на важное и не важное: здѣсь все одинаково существенно или не существеннно. Такимъ образомъ, даже такія понятія, которыя на первый взглядъ не заключаютъ въ себѣ ничего кромѣ „чистаго описанія“, отнюдь не являются только отраженіемъ или фотографированіемъ внѣшняго міра, — это всегда конструкціи, орудія, построенныя нами изъ матерьяла внѣшней природы, и предназначенныя для достиженія тѣхъ или другихъ практическихъ цѣлей.

Конструктивный характеръ нашихъ понятій выступаетъ тѣмъ отчетливѣе, чѣмъ понятіе точнѣе, чѣмъ лучше оно выработано. Особенно ясенъ онъ въ математическихъ понятіяхъ числа, той или другой геометрической фигуры и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, совершенно очевидно, напримѣръ, что понятіе треугольника не имѣетъ ничего общаго съ „образомъ“, получающимся путемъ наложенія различныхъ эмпирически данныхъ треугольниковъ одинъ на другой: если мы представимъ себѣ всѣ возможные

---

[1]) Даже какой-нибудь «чижиково-зеленый» цвѣтъ минералогическихъ классификацій не представляетъ совершенно конкретнаго, элементарнаго по своему содержанію признака. И здѣсь имѣется въ виду качественная непрерывность измѣненій, ограниченныхъ извѣстными—въ данномъ случаѣ очень узкими—предѣлами.

треугольники начертанными въ одной и той же плоскости, то никакого „средняго образа“ не получится, такъ какъ вся плоскость безъ малѣйшихъ прогалинъ будетъ заполнена контурами треугольниковъ.

Треугольникъ—не „средній образъ“, не совокупность совпадающихъ признаковъ, а правило построенія, схема нашихъ операцій съ опредѣленными элементами: треугольникъ данъ, когда изъ данныхъ элементовъ возможно создать только одно единственное построеніе по правилу, указанному въ понятіи треугольника.

Какъ извѣстно, высшимъ торжествомъ науки является примѣненіе математическихъ конструкцій къ изслѣдованію конкретныхъ явленій; точными науками называютъ астрономію, физику и химію, потому что въ этой области познанія господствуетъ математика.

Въ какомъ же смыслѣ математическія и подобныя имъ конструкціи „соотвѣтствуютъ“ тѣмъ конкретнымъ физическимъ процессамъ, къ которымъ онѣ примѣняются? О точномъ „описаніи“, „копированіи“, „фотографированіи“ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Цвѣта ничутъ не похожи на тѣ эфирныя волны, съ которыми оперируетъ теорія физиковъ; превращеніе химической формулы HCl въ химическую формулу Ag Cl (напр.: $HCl + AgNO_3 = AgCl + HNO_3$) никто не назоветъ „фотографіей“ или „зеркальнымъ отраженіемъ“ того процесса, какой мы непосредственно наблюдаемъ, подливъ въ пробирку съ соляной кислотой растворъ ляписа. Различіе между физико-химическими фактами и конструкціями физически-химической теоріи совершенно иное по самому своему типу, нежели различіе между оригиналомъ и копіей. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ качественная разница есть результатъ несовершенства нашей операціи; чѣмъ лучше мы копируемъ тѣмъ меньше отличается копія отъ оригинала; идеальная копія—предѣлъ нашихъ стремленій въ данной области—по своему содержанію совершенно тожественна съ оригиналомъ и отличается отъ него только тѣмъ, что существуетъ въ другомъ пунктѣ пространства или въ иной моментъ времени. Наоборотъ, физико-химическія теоріи строенія вещества, по мѣрѣ своего усовершенствованія, не только не приближаются къ непосредственно наблюдаемымъ фактамъ, но скорѣе отдаляются отъ этихъ послѣднихъ; такъ, напримѣръ, первоначально физическая теорія видѣла въ атомахъ маленькія тѣльца съ постоянной массой, съ опредѣленнымъ объемомъ, однимъ словомъ, надѣляла атомы если не всѣми, то хотя бы нѣкоторыми изъ тѣхъ свойствъ, которыя имѣютъ кусочки камня, дерева и др. тѣлъ нашего повседневнаго опыта; впослѣдствіи нѣкоторые физики

стали разсматривать атомы, какъ математическія точки, лишивъ ихъ такимъ образомъ объема; „электронная“ теорія лишаетъ атомы постоянной массы, и т. п. Очевидно, и выдумываются всѣ эти „атомы“, „электроны“, „эфирныя волны“ вовсе не для того, чтобы копировать природу,—для этой цѣли у насъ есть совершенно иныя орудія: фонографъ, кинематографъ и т. п. Задача физико-химическихъ конструкцій—не копировать, а символизировать; ихъ связь съ явленіями природы есть связь знака и означаемаго; химическія и физическія построенія „соотвѣтствуютъ“ природѣ въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ буквы алфавита соотвѣтствуютъ звукамъ человѣческой рѣчи, въ какомъ ноты соотвѣтствуютъ тонамъ и т. п.

Здѣсь мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ „іероглифами“, и В. Ильинъ попадаетъ въ самый забавный просакъ, отвергая эту очевидную истину. Какъ мы уже знаемъ, онъ ярый противникъ всяческаго символизма. По его мнѣнію „матерьялистическая посылка подрывается“ въ томъ случаѣ, если „ощущенія не образы вещей, а только знаки или символы, не имѣющіе „никакого сходства съ ними“. („М. и Э.“, стр. 247). Слѣдовательно, „матерьялистическая посылка“ требуетъ, чтобы всякое ощущеніе, напримѣръ, ощущеніе краснаго цвѣта, было сходно съ той реальной вещью, которая его въ насъ вызываетъ. Какова же въ нашемъ примѣрѣ эта реальная вещь? Совершенно ясный отвѣтъ находимъ мы на стр. 46: „Значитъ внѣ насъ, независимо отъ насъ и отъ нашего сознанія существуетъ движеніе матеріи, скажемъ волны эфира опредѣленной длины и опредѣленной быстроты, которыя, дѣйствуя на сѣтчатку, производитъ въ человѣкѣ ощущеніе того или иного цвѣта“. И такъ „движеніе матеріи“, „скажемъ, волна эфира опредѣленной длины“ и есть та реальная вещь, съ которой, согласно „матерьялистической посылкѣ“, сходно ощущеніе краснаго цвѣта. Всякій порядочный матерьялистъ обязанъ, глядя на кумачъ, непосредственно ощущать, т. е. видѣть, если не самыя эфирныя частицы, скачущія съ быстротой 450 трилліоновъ колебаній въ секунду, то во всякомъ случаѣ нѣчто, какъ двѣ капли воды похожее на эту бѣшенную пляску атомовъ. А такъ какъ въ дѣйствительности ни одинъ матерьялистъ ничего подобнаго увидѣть не въ состояніи, то остается только вѣрить въ сходство „субъективнаго“ краснаго цвѣта и „объективной“ свѣтовой волны,—вѣрить не потому, что это предположеніе сколько-нибудь правдопопобно и можетъ разсчитывать на фактическое подтвержденіе, а наоборотъ, именно потому, что оно совершенно нелѣпо: Credo quia absurdum!

Іероглифическіе матерьялисты безусловно правы, когда утверждаютъ, что между нашими ощущеніями и движеніями

молекулъ, атомовъ, электроновъ существуетъ только символическая связь. Не имѣя никакого „сходства“ съ ощущеніями, движенія эти строго „согласованы“ съ ними, т. е. каждому качественному различію, каждому измѣненію, непосредственно наблюдаемому въ области ощущеній, должно соотвѣтствовать опредѣленное (и притомъ только одно) количественное различіе, количественное измѣненіе въ области молекулярныхъ, атомныхъ, эфирныхъ и т. п. движеній [1]).

Вопросъ заключается только въ томъ, какая изъ этихъ двухъ сферъ есть подлинная реальность, и какая представляетъ систему „нашихъ“ символовъ. Вотъ въ этомъ то пунктѣ іероглифическій матерьялизмъ и совершаетъ свое salto mortale (по терминологіи Плеханова, наоборотъ, salto vitale), „скатываясь“ въ самый безнадежный мистицизмъ. Объявивъ механическія схемы, придуманныя учеными, реальностью, „существующей внѣ насъ“, а непосредственно данныя ощущенія „іероглифами“ этой реальности, матерьялистъ рано или поздно замѣчаетъ, что на этомъ нельзя остановиться. Вѣдь и механическія схемы построены изъ того же матерьяла, который данъ намъ въ іероглифахъ — ощущеніяхъ; онѣ помѣщаются учеными въ томъ же пространствѣ и времени, гдѣ находятся чувственно воспринимаемыя нами вещи. Но разъ наши ощущенія насквозь іероглифичны, пространство и время, данныя въ нашихъ ощущеніяхъ, суть также іероглифы нѣкоторой отличной, „внѣ“ и „независимо“ отъ нихъ существующей реальности. Слѣдовательно, и механическія схемы— даже самыя совершенныя—отнюдь не подлинная реальность и даже не копія реальности, а въ свою очередь іероглифы истинной внѣпространственной и внѣвременной матеріи, которая, какъ таковая. совершенно не доступна для нашего познанія, въ которую мы должны „вѣрить“, если желаемъ остаться матерьялистами.

Вѣра въ существованіе внѣшняго міра есть, говоритъ Плехановъ, „необходимое предварительное условіе мышленія критическаго въ лучшемъ смыслѣ этого слова“. Это не обмолвка, не случайное неловкое выраженіе, какъ старается увѣрить В. Ильинъ, а, дѣйствительно, необходимое „предварительное условіе“ того типа мышленія, одной изъ разновидностей котораго является догматическій матерьялизмъ. Заслуга Плеханова состоитъ какъ

---

[1]) Въ этой замѣнѣ несоизмѣрныхъ качествъ реальнаго міра, соизмѣримыми величинами математической конструкціи и заключается та цѣль, ради которой такія конструкціи изобрѣтаются. Только этимъ путемъ человѣческое познаніе возвышается надъ простымъ «описаніемъ» природныхъ процессовъ и дѣйствительно «овладѣваетъ» природой, т. е. достигаетъ возможности «выводить» изъ даннаго теоретическаго построенія всѣ явленія, реально возможныя въ опредѣленной области внѣшняго міра. См. объ этомъ первую статью настоящаго сборника, главу: «эвристическія конструкціи и гипотезы».

разъ въ томъ, что въ данномъ случаѣ онъ провелъ свою точку зрѣнія до конца, не убоялся сосѣдства съ „поповщиной", не захотѣлъ вилять и заметать слѣды, а просто и ясно формулировалъ основную предпосылку своего міровоззрѣнія въ тѣхъ же самыхъ терминахъ, которые употребляютъ всѣ вѣрующіе люди.

Къ сожалѣнію, В. Ильинъ далеко не обнаружилъ такой смѣлости мысли. Онъ объявляетъ „идеалистическимъ вздоромъ" тотъ несомнѣнный фактъ, что человѣку непосредственно даны цвѣта и звуки, а отнюдь не колебанія эфира или молекулъ нашей атмосферы; для матерьялиста, проповѣдуетъ онъ, дана объективная реальность тѣхъ движеній матеріи, которыя вызываютъ въ насъ ощущенія. Совершенно тоже самое говорятъ, какъ извѣстно, и мистики. Для нихъ вѣра есть особый и притомъ высшій типъ познанія, „гносисъ". Мистикъ не строитъ понятіе божества, какъ предположеніе, или гипотезу, которая должна быть провѣрена фактами,—онъ непосредственно, „интуитивно" воспринимаетъ божество какъ „ens realissimum", какъ нѣчто несравненно болѣе достовѣрное, чѣмъ всякій чувственный фактъ, который можетъ оказаться и галлюцинаціей. И только страхъ передъ логическими выводами изъ своихъ собственныхъ посылокъ, мѣшаетъ тов. Ильину познать, что принципіально между его точкой зрѣнія и точкой зрѣнія любого мистика нѣтъ рѣшительно никакой разницы [1])

И въ томъ и въ другомъ случаѣ передъ нами идеализмъ, и притомъ „догматическій" (въ отличіе отъ кантіанскаго или, такъ называемаго, „критическаго"). Понятія или схемы, изобрѣтаемыя людьми, для того чтобы приспособить внѣшнюю среду къ человѣческимъ потребностямъ, объявляются объективной, независимо отъ человѣка существующей реальностью, а внѣшнія вещи, данныя намъ въ чувственномъ воспріятіи, превращаются въ искаженныя отраженія, копіи, символы и т. п. этой заключающейся въ понятіяхъ реальности. Другими словами, не бытіе опредѣляетъ собою мышленіе, а наоборотъ, мышленіе опредѣляетъ собою бытіе".

Правда основоположникъ догматическаго идеализма, Платонъ [2]) видѣлъ откровеніе подлинной реальности не въ тѣхъ

---

[1]) Рѣзкіе выкрики противъ «поповщины» и противъ, якобы, «филистерской» терпимости къ ней со стороны махистовъ, не опровергаютъ, а подтверждаютъ это. Борьба между сектами, принадлежащими къ одному и тому же общему міровоззрѣнію, всегда носитъ съ внѣшней стороны болѣе рѣзкій характеръ, чѣмъ борьба между сторонниками міросозерцаній, различныхъ въ корнѣ. Такъ, напримѣръ, наши церковные іерархи относятся къ штундистамъ, духоборамъ и даже къ раскольникамъ съ несравненно меньшей «терпимостью», нежели къ людямъ, вовсе не вѣрующимъ.

[2]) Платонъ называлъ ощущенія не зеркальными отображеніями и не символами, а «тѣнями» реальности «Тѣнь» очень удобный терминъ: представляя нѣкоторое сходство съ отбрасывающимъ ее предметомъ, она въ то же время никогда не можетъ быть

идеяхъ, не въ тѣхъ принципахъ, которые провозглашаютъ сущностью міра современные „матерьялисты“. Но я и не утверждаю, что В. Ильинъ или Г. Плехановъ исповѣдуетъ ту же самую вѣру, какъ Платонъ; меня интересуетъ здѣсь не специфическое содержаніе доктринъ той или иной идеалистической секты, а формальный признакъ всякаго вообще идеализма. И не подлежитъ никакому сомнѣнію, что съ этой формальной или „принципіальной“ точки зрѣнія современный русскій матерьялизмъ, какъ „іероглифическій“, такъ и „самокопійный“ всецѣло подходитъ подъ категорію идеализма.

вполнѣ точной копіей этого послѣдняго. Быть можетъ, на «тѣняхъ» могли бы сойтись и помириться обѣ фракціи современнаго россійскаго матерьялизма... во всякомъ случаѣ рекомендуемъ царство тѣней ихъ усиленному вниманію.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Стр.

Вмѣсто предисловія . . . . . I—XXXIX

Мистицизмъ и реализмъ нашего времени . . 1

I. Мистицизмъ матеріалистическій или безсознательный . 1

II. Мистицизмъ идеалистическій или сознательный . . . 13

III. Познавательное творчество и его орудіе.

1) „Картина“ міра и процессъ познанія 23

2) Апріорныя формы познанія 42

3) Эвристическія конструкціи и гипотезы 49

4) Послѣдній фетишъ 55

5) Матеріализмъ Маркса и Энгельса 63

Къ вопросу о философскихъ основахъ марксизма 69

Апоѳеозъ безпочвенности, или „все-таки жажда почвы“ 99

Личность и любовь въ свѣтѣ „новаго религіознаго сознанія“ 123

Мистерія или бытъ 142

Христіане Третьяго Завѣта и строители башни Вавилонской 167